



САЛЬВА РУБИО ~ РИКАРД ЭФА

МОНЕ

По ту сторону холста

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

18+



Предисловие

Вклад Оскара Клода Моне в живопись настолько велик, что в наше время его образ неотделим от движения импрессионистов. Как любой революционер, он ставил под сомнение нормы и устои, которые правили живописью на протяжении многих веков. Моне не стремился как можно точнее изобразить реальность или представить ее идеализированную модель, как это делали академисты, — он хотел передать зрительное ощущение, пусть и в ущерб деталям. Для того чтобы писать впечатления, нужно учитывать только одно — восприятие: «Натура — это нечто вторичное. Я же хочу воспроизвести то, что между натурой и мной». Таким образом, импрессионизм обязан своим рождением глазу Моне. «Моне — это всего лишь глаз, но, бог мой, зато какой!» — говорил Поль Сезанн.

Перевороты не совершаются за день. Всю свою творческую жизнь, начиная с революционного подхода к методу работы («Что за абсурдная идея — писать на улице!») и заканчивая безразличием к нападкам критиков на Салон отверженных*, Моне оставался человеком, безоговорочно преданным атмосфере и свету. Поиски способа передать мгновение (к этому стремилось и новое тогда искусство фотографии) стали его образом жизни.

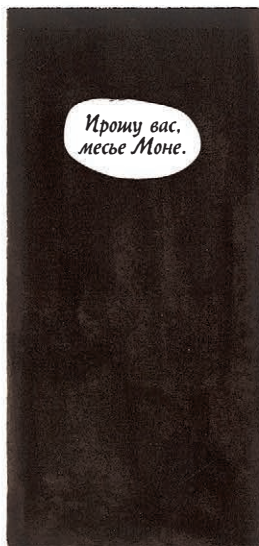
Сальва Рубио и Рикард Эфа показывают нам именно эту жизнь: непредсказуемость опытов, пробы и ошибки, размышления — все, что сделало Моне тем художником, которого мы знаем. Однако Рубио и Эфа представляют его работы в новом свете. Благодаря тонкой игре зеркал, в которой художник и его произведения становятся моделями, авторы предлагают нам проникнуть в то пространство, которое так любил Моне, — пространство между натурой и холстом. Благодаря этому мы становимся свидетелями рождения живописца.

Юг Галь,
ДИРЕКТОР ФОНДА КЛОДА МОНЕ
И ДОМА-МУЗЕЯ МОНЕ В ЖИВЕРНИ

* Выставка, параллельная официальной, на которой были представлены полотна и скульптуры, отвергнутые в 1860–1870-х годах жюри Парижского салона — одной из самых престижных художественных выставок Франции, официальной регулярной экспозиции парижской Академии изящных искусств.

*И против моей воли рефлексy запускаят
непроизвольный процесс, который движет
мною в повседневной жизни. Я будто жи-
вотное, которое послушно крутит жернов.
Посочувствуйте мне, мой друг.*

Оскар Клод Моне



Ирошу вас,
месье Моне.

Откройте глаза.

Чудесно!
Не двигайтесь.

Не надо!
И прекратите!



Моне, вы как
трусливый заяц!

И пожалуйста, месье
Клемансо, поддержите его!

Оставьте меня!
Я уже говорил, что мне
не нужна операция.

Но мне, лучше прожить
остаток жизни полуслепым,
нежели потерять зрение
здесь и сейчас!



Месье Моне, эта операция
практически безболезненна.
Без нее вы скоро ослепнете.



Черт возьми! Ваше поведение
недостойно того, кто служил в Первом
полку африканских стрелков!

Должен же быть
иной способ...



Ирисунайте,
Кутела.

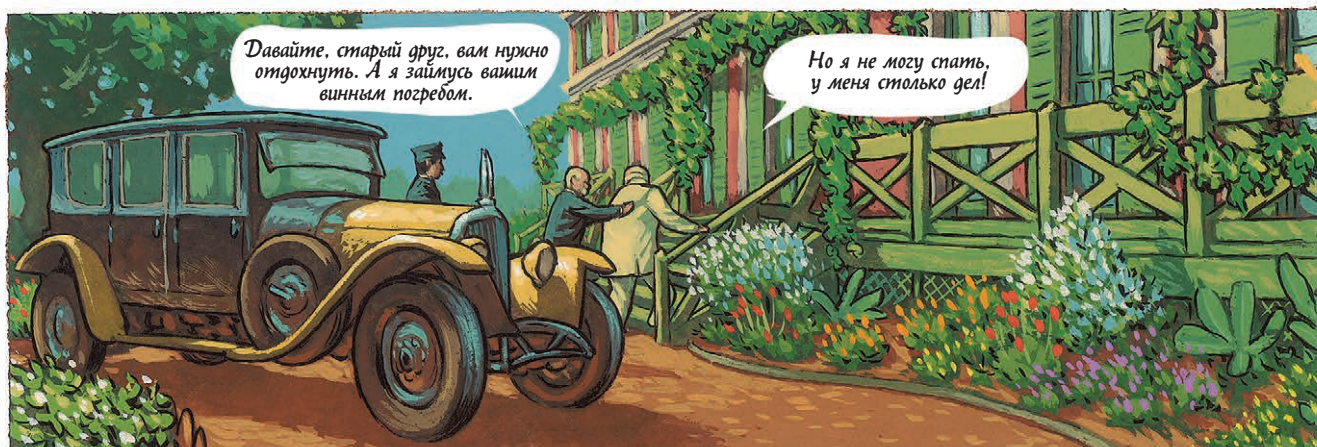
Но я художник!
Мне нельзя
без глаз!

Месье Моне,
сидите
и не двигайтесь.



Я не шучу!





* Музей Оранжерии — картинная галерея в Париже.



Это было после смерти матери.



Все казалось странным.

Оскар!



Мне было так грустно, что я хотел просто гулять.

Оскар, пора в школу!



Завр. 1857

Не ждите, я вас догоню!

Икола была последним местом, где мне хотелось находиться.



Казалось, ничто не способно вернуть меня к жизни.



Разве что...



Пока я рисовал,
дни заточения не казались
такими долгими.



Уже тогда я не выносил никакой
власти над собой.



И все-таки я должен был подчиняться.
Особенно в те долгие вечера, когда
помогал отцу в магазине.



Хватит
пачкать бумагу!
Иди проверь
счета!

К счастью, у меня было
занятие, которое
наполняло меня радостью
и гордостью.



Смотри!

Новый
рисунок!

Ха-ха-ха!

Это Меодор!



Вон там
Жюль Дюдь!

Ха-ха-ха!

А «Фурус
Крутинелли», должно
быть, Анри Кассинелли!

Двадцать франков
за карикатуру. Если бы я тогда
не остановился, то, наверное,
был бы уже миллионером!

Однако что-то
не давало мне покоя.



Было ли дело в выборе цветов
или технике, но я ненавидел картины
Эжен-Луи Будена.



А, вот и наш подающий
надежды художник!
Я уже давно хотел
вас познакомиться!

Именно по этой
причине нам
и суждено было
встретиться.



Месье Буден,
представляю вам нашу местную
знаменитость, месье Оскара
Клода Моне.

Рад познакомиться.
Моне. У вас талант.



Как вы
смотрите
на то, чтобы
порисовать
вместе?

Хоть этот человек
и был похож на моряка
больше, чем на художника,
он изменил мою жизнь.



Несколько месяцев мне удалось
находить повод, чтобы отклонить
его приглашение. Но летом отговорки
закончились.

Этот совместный
пленэр стал для меня
настоящим открытием.

Эпоха романтизма позади.
Нам предстоит найти простую
и чистую красоту природы.



Рюэль-ле-Завер,
1858

Я ожидал, что он, как и все, потребует от меня
беспрекословного подчинения, но Буден оказался
другим, и он не был теоретиком.

Рядом с ним я впервые разглядел природу.
Словно все эти годы перед моими глазами
стояла пелена.

Буден показал мне, какой живопись должна быть
на самом деле: чистой, искренней и настоящей.



Море, небо, люди...
Вишите их такими,
какими их создала
природа: при свете солнца
и на свежем воздухе.

Решение о моем будущем
было очевидным, но принять
его оказалось тяжело.

Чтобы доказать твердость моего намерения, я перестал ходить в школу и полностью посвятил себя живописи.



Вам нужно в Париж.
Вы не сможете заново изобрести искусство, сидя в одиночестве в глуши.

Я запрещаю тебе уезжать!
Разговор окончен. Твое место
в магазине.

Отцу, нет! Я хочу поехать
в Париж, чтобы стать
художником.

Эти идиоты забили
тебе голову всякими
глупостями!



Йонгкинд*, друг Будена и кумир
Бодлера, поддержал мое решение
переехать в Париж.



Моя тетя Мари-Жан была художницей-
любительницей и тоже поддержала меня.
В конце концов отец сдался.



Теперь мне предстояло самое тяжелое —
проститься с наставником.



Без Будена
я не стал бы художником.



Свет всего мира звал меня к себе,
и Париж был лишь первым этапом
моего долгого путешествия.

* Ян Бартолд Йонгкинд — наставник Моне. Они познакомились уже после поездки Моне в Париж и его короткой службы в Алжире.

Меня ждал огромный город, купающийся в новом свете.

Сначала я посещал Академию Жюльона, располагавшуюся на набережной Орфевр, рядом с кабинетом недипломированного дантиста.

Затем отправился в Алжир на службу в рядах Первого полка африканских стрелков.

Париж, 1862

Париж, Академия Жюльона, улица Фю дю Бак, 94

Потом я присоединился к Академии Жюльона, известного своими «Утраченными иллюзиями». Название идеально подходило как самой картине, так и его мастерской.

Мне не нравилось там учиться, но это был единственный способ получить от отца и тетки деньги на проживание.

Тем не менее я обрел там некоторые знания. Что касается самого Жюльона...

Юноша, вы рисуете эти грубые ноги такими, какими видите их. Вам следует их приукрасить.

Но, месье, модель...

Модель здесь ни при чем. Главное — стиль. Вспомните античных авторов!

Я был в замешательстве. Природа — единственное, что волновало меня, — не имела в глазах этого человека никакого значения.

Остальные ученики разделяли мнение мастера.

Кроме разве что группы настоящих художников.

Для вас, безусловно, живопись — это развлечение?

